

Н О В Ы Е И С Т О Ч Н И К И П О И С Т О Р И И Р О С С И И

« С И Б И Р С К И Е
З А М Е Т К И »
Ч И Н О В Н И К А
И С О Ч И Н И Т Е Л Я
И п п о л и т а
К а н а р с к о г о

R O S S I C A
I N E D I T A

Новые источники по истории России. Rossica Inedita

**«Сибирские заметки» чиновника и
сочинителя Ипполита Канарского
в обработке М. Владимирского**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2020

УДК 929
ББК 63.2

«Сибирские заметки» чиновника и сочинителя Ипполита Канарского в обработке М. Владимирского / «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2020 — (Новые источники по истории России. Rossica Inedita)

ISBN 978-5-7598-2218-9

В новой книге из серии «Новые источники по истории России. Rossica Inedita» публикуются «Сибирские заметки» Ипполита Канарского, представляющие собой написанные в жанре литературного сочинения эпохи сентиментализма воспоминания автора о его службе в Иркутской губернии в 1811–1813 гг. Воспоминания содержат как ценные черты чиновничьего быта, так и описания этнографического характера. В них реальные события в биографии автора — чиновника средней руки, близкого к масонским кругам, — соседствуют с вымышленными, что придает «Сибирским заметкам» характер литературной мистификации. Книга адресована историкам и культурологам, а также широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.2

ISBN 978-5-7598-2218-9

, 2020
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2020

Содержание

От редактора	5
I. Жизнь и приключения сочинителя «Сибирских заметок»	6
Часть первая, повествующая о том, как далеко могут увести следствие ложные следы	6
Источник	6
Первые вопросы	7
В поисках автора	7
Великая сила интернета	9
Перебирая эти даты	14
Загадка «R», «B», «K», «Z» и «L»	15
«Все врут календари»!	16
Часть вторая, содержащая сведения о подлинной жизни Ипполита Канарского, чиновника и сочинителя	17
Дела семейные	19
Анализ данных	20
Часть третья, повествующая о службе Ипполита Канарского в Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя, его взлете и падении	21
Введение во храм	21
Преступление и наказание	22
Дела интимные и не только	24
Масоны, масоны, кругом одни масоны...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

«Сибирские заметки» чиновника и сочинителя Ипполита Канарского в обработке М. Владимирского

От редактора

Публикуемый документ передается с точным сохранением его стилистических и фонетических особенностей, т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Авторские скобки передаются круглыми скобками (). Квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна, выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали А.В. Матисон и И.И. Федюкин. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

Александр Каменский

І. Жизнь и приключения сочинителя «Сибирских заметок» *Александр Каменский, Людмила Ерамова*

Часть первая, повествующая о том, как далеко могут увести следствие ложные следы

Публикуемые в данном издании «Сибирские заметки» – это относительно небольшие по объему воспоминания русского чиновника средней руки, большая часть которых посвящена его службе в Восточной Сибири, а точнее – в Иркутской губернии в 1811–1813 гг. Так, по крайней мере, кажется на первый взгляд, и поскольку мемуарных свидетельств подобного рода сохранилось немного, то уже поэтому эти воспоминания представляют определенный научный интерес и заслуживают публикации¹. Однако в действительности дело обстоит много сложнее. И жанр этого сочинения, и цель его создания отнюдь не очевидны. Более того, при внимательном знакомстве с текстом выясняется, что значительная часть содержащихся в нем сведений намеренно искажена, причем сделано это выборочно и довольно специфическим образом. Иначе говоря, можно предположить, что мы имеем дело со своего рода литературной мистификацией, но мистификацией особого рода, поскольку события вымышленные соседствуют в ней с вполне реальными. Подготовка текста к изданию превратилась поэтому в расследование, о стадиях которого имеет смысл рассказать по порядку.

Источник

Рукопись «Сибирских заметок» сохранилась в составе «Сборного личного фонда» Российского государственного архива древних актов (РГАДА)². Фонд этот представляет собой коллекцию разрозненных документов личного происхождения преимущественно XVIII–XX вв., оказавшихся в архиве в разное время и разными путями. «Сибирские заметки», судя по карандашным записям на приложенном к рукописи конверте с сургучной печатью Центрархива, а также на л. І самой рукописи, поступили в архив в 1929 г.³ Рукопись написана черными чернилами, четким хорошо читаемым почерком на полулистах бумаги со штемпелем Татаровской бумажной фабрики Протасьева в левом верхнем углу. Согласно данным С.А. Клепикова, такая бумага выпускалась в 1865–1883 гг.⁴, и, следовательно, рукопись появилась на свет более

¹ Наиболее близкими по содержанию являются воспоминания И.Т. Калашникова «Записки иркутского жителя» (Русская старина. 1905. Т. 123. № 7. С. 187–251), однако их автор, родившийся в 1797 г., стал иркутским чиновником значительно позже автора «Сибирских заметок». Наблюдения этнографического характера о жизни в Иркутске и Иркутской губернии можно найти в воспоминаниях Е.А. Авдеевой (Авдеева Е.А. Воспоминания об Иркутске // Отечественные записки. 1848. Т. 59. № 8. С. 125–138; Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837).

² РГАДА. Ф. 1468. Сборный личный фонд. Оп. 1. Д. 914. Л. І, 1–30.

³ На конверте надпись карандашом: «По поруч. Т. Максакова – дневник чиновника Сибирские заметки за 1809–1814 гг. на 30 полул. Составл. Владимирским и получено от Яницкого. От 12 апр. 1929 г.» и «Т. Лапину». На л. І пометка карандашом: «т. Шпилеву от Яницкого». Владимир Васильевич Максаков (1886–1964) – известный историк-архивист, в 1921–1934 гг. был членом коллегии и ученым секретарем Центрального архивного управления РСФСР (Центрархив), заместителем заведующего Центрархива РСФСР. Яницкий – по-видимому, Николай Федорович Яницкий (1891–1979) – в 1921–1931 гг. директор Российской книжной палаты, а до этого, в 1925–1926 гг., зам. директора Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Николай Антонович Лапин (1888–193?) – историк, сотрудник Центрархива, впоследствии зав. кафедрой Историко-архивного института. Шпилев – по-видимому, сотрудник Российской книжной палаты.

⁴ Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесо-

чем через полвека после описываемых в ней событий. Текст рукописи почти не имеет помарок и исправлений и выглядит как беловик, переписанный с предшествовавшего ему черновика. В нижней части листов 1–1 об. и 26–29 об. небольшие фрагменты текста размыты (в публикации отмечены квадратными скобками), но часть текста читается. Рукопись имеет титульный лист с написанным тем же почерком, что и весь остальной текст, заголовком «Сибирские заметки. Дневник чиновника с 1809-го по 1814-й. Сост. М. Владимирский».

Первые вопросы

Первые вопросы вызывает уже заголовок рукописи. Во-первых, заметки и дневник – это два разных жанра, и текст рукописи соответствует, скорее, первому из них, поскольку не разбит на датированные записи дневникового характера. Во-вторых, кто такой М. Владимирский? Автор воспоминаний или только их составитель, как он себя называет? Если бы рукопись датировалась первой четвертью XIX в., то автор вполне мог обозначить себя составителем, однако для второй половины этого столетия это уже было менее характерно. С другой стороны, если мы имеем дело с выполненной во второй половине XIX в. аккуратной копией более ранней рукописи, то соответствующая формулировка может быть просто воспроизведением оригинала, тем более что подпись «М. Владимирский» имеется и в конце рукописи. Наконец, в-третьих, в тексте «Сибирских заметок» названы только три конкретные даты – 1811, 1812 и 1813 гг., и, хотя в ней кратко описаны и предшествующие события из жизни автора, хронологию их, как будет показано ниже, если и можно определить, то лишь по косвенным данным, да и то условно. Но, может быть, заголовок рукописи означает, что она действительно «составлена» неким М. Владимирским на основе какого-то дневника, имевшего более широкие хронологические рамки?

В поисках автора

Согласно правилам источниковедческого анализа, работу с историческим источником следует начинать с его атрибуции, т.е. с вопроса об авторстве «Сибирских заметок». Как уже говорилось, наиболее подробно и с конкретными деталями в записках в соответствии с их названием описана служба автора в Сибири в 1811–1813 гг. и, как кажется, использование этих сведений – наиболее надежный и быстрый способ получить ответ на искомый вопрос.

Итак, автор «Сибирских заметок» сообщает, что прибыл в Иркутск 28 марта 1811 г. и вскоре ему «была дана должность асессора двух экспедиций и вслед за тем прикомандирован первым членом строительной комиссии», а спустя еще несколько дней ему «дали должность советника губернского правительства». Таким образом, по словам автора, он занимал одновременно три должности, что должно было обеспечивать ему довольно заметное положение в иркутской чиновной иерархии.

Обращение к адрес-календарям за соответствующие годы, однако, показало, что чиновника с фамилией Владимирский в Иркутске в 1811–1813 гг. не было, а значит, версия о его авторстве сразу же отпала⁵. Забегая вперед, скажем, что идентифицировать таинствен-

южной Книжной палаты, 1959. С. 108.

⁵ Более того, если верить именному указателю Российского государственного исторического архива, такой фамилии вообще нет в адрес-календарях XIX в. При работе с адрес-календарями надо, однако, иметь в виду, что, при огромном информационном потенциале этого источника, «из-за небрежности местных исполнителей поступление списков иногда запаздывало, некоторые учреждения их вообще не представляли. В результате этого составители, наборщики, корректоры работали в постоянной спешке, и это накладывало отпечаток на характер и структуру издания. Мы видим в книгах следы постоянной переверстки страниц, изменение порядка материалов, дополнения, выносимые в конец книг. При этом в уже отпечатанных экземплярах и власти, и читатели всегда находили неисправности» (Степанов В.П. Предисловие // Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795). СПб.: Академический проект, 2003. С. 4). Об адрес-календарях см. также:

ного М. Владимирского пока не удалось. В каталоге Российской государственной библиотеки числится книга, на титульном листе которой напечатано: «Рассказ про великие дела маленького государства. Васко де Гама и экспедиция его в Ост-Индию с предыдущими и последующими географическими открытиями. Составил М.М. Владимирский. Санкт-Петербург: Типогр. В.С. Балашева. 1876». Каталогная карточка расшифровывает инициалы составителя как Михаил Михайлович⁶, аналогично выглядит соответствующая каталожная карточка и в Российской национальной библиотеке. Не исключено, что это составитель и нашей рукописи, заинтересовавшей его, поскольку в ней также речь идет о путешествии, однако это не более чем догадка.

Но кто же в действительности занимал должности, указанные автором «Сибирских заметок»? Прежде всего обращает на себя внимание, что «строительная экспедиция» губернского правления впервые упоминается в списке чиновников и присутственных мест Иркутской губернии только в адрес-календаре на 1811 г. По-видимому, это связано с тем, что в 1811 г., как и сообщает автор «Сибирских заметок», в Иркутске было начато строительство Московских триумфальных ворот. Первым членом строительной экспедиции в адрес-календаре назван коллежский асессор Степан Иванович Лебединский. Примечательно также, что это имя вообще впервые появляется в списке иркутских чиновников именно в 1811 г.⁷ В адрес-календарях на 1812 и 1813 гг. Лебединский числится в той же должности, но в адрес-календаре на 1814 г. вместо строительной экспедиции появляется «строительная часть», в которой Лебединский уже не значится. Таким образом, годы службы С.И. Лебединского в строительной экспедиции Иркутского губернского правления идеально совпадают с годами службы автора «Сибирских заметок», и, поскольку это единственный чиновник с таким сроком службы, естественно было предположить, что именно он и является подлинным автором воспоминаний.

Казалось бы, проблема решена, однако сразу же появились основания поставить эту версию под сомнение. Во-первых, к списку чиновников в адрес-календаре на 1811 г. имеется сноска: «Состояние чинов по 16 ноября 1810 года»⁸, в то время как наш автор, по его уверениям, прибыл в Иркутск лишь в марте 1811 г. Во-вторых, в действительности из списка чиновников Иркутской губернии Лебединский не исчезает вовсе: в адрес-календаре на 1814 г. он значится городничим г. Нерчинска⁹, и эту должность он, опять же судя по адрес-календарям, занимал по крайней мере до 1816 г., в то время как автор «Сибирских заметок», по его уверению, покинул Сибирь в 1813 г. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что автор (если бы им и вправду был Лебединский) слукавил и в действительности в 1813 г. он получил не увольнение со службы, как пишет об этом в своих воспоминаниях, а продолжительный отпуск, за которым последовало новое назначение. Впрочем, позднее Лебединский и вправду оказался в Петербурге и уже в чине надворного советника служил сперва в Журнальном столе Департамента духовных дел Министерства народного просвещения, а затем петербургским следственным приставом. Можно было бы предположить, что подобное искажение автором реальных событий было продиктовано литературным замыслом «Сибирских заметок», о чем речь пойдет ниже. Однако в адрес-календаре на 1811 г. С.И. Лебединский

Арутюнян В.Г. Из истории адрес-календаря (1801–1825 гг.) // Румянцевские чтения. М., 2007. С. 13–19.

⁶ Еще один, или тот же, Михаил Михайлович Владимирский, согласно каталогу Российской национальной библиотеки в 1864 г. опубликовал в шестом номере «Морского сборника» под заголовком «Подсудность, судопроизводство и порядок суда на морях Западной Европы» свой перевод отрывка из книги Т. Ортолана «Règles internationales et diplomatie de la mer».

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811. СПб.: Имп. Академия наук, 1811. Ч. 2. С. 342.

⁸ Месяцеслов... на 1811. Ч. 2. С. 342.

⁹ Там же. С. 346.

значится еще и управляющим Троицко-Савской пограничной канцелярии¹⁰, но уже в 1812 г. он эту должность оставил. В записках об этом не упоминается вовсе.

Наконец, в-третьих, с определением Лебединского, как автора записок, есть и еще одна неувязка. Автор «Сибирских заметок», если верить тексту рукописи, был, скорее всего, дворянином, или по крайней мере человеком со связями в аристократических кругах. Его семья, как он уверяет читателей, жила в Москве, дядя – в Петербурге, а родственники – в Казани. В Иркутск, по его уверениям, он приехал с тремя рекомендательными письмами к губернатору от каких-то влиятельных лиц, а до этого, также с рекомендательными письмами, был принят тобольским губернатором. Очевидно и то, что, хотя он и называет себя человеком «мало значущим», наш автор был человеком небедным. Сетуя на свою службу в Сибири, он ни разу не упоминает о низком жалованье; в Иркутске он купил дом, а еще раньше «домик» для матери в Москве. Читая красочные описания его путешествий по Сибири, так и представляешь себе заматаемого пургой одинокого путника, но, судя по косвенным упоминаниям и проговоркам, он путешествовал не один, а в сопровождении не только проводников-бурят, полагавшихся ему как чиновнику, но и собственных слуг, в частности «сельского повара». Из сказанного можно заключить, что отец автора должен был быть по крайней мере средней руки помещиком, чиновником или военным. Между тем адрес-календари на 1770–1790-е годы называют лишь одного Лебединского, который предположительно мог быть отцом Степана Ивановича, – Ивана Петровича, служившего полковым судьей в Киевской губернии вплоть до 1796 г.¹¹

Итак, версию об авторстве Лебединского пришлось отвергнуть и вновь обратиться к адрес-календарям, чтобы посмотреть, кто занимал другие должности, названные автором «Сибирских заметок». Советниками губернского правления адрес-календарь на 1811 г. называет надворного советника Николая Петровича Горлова и коллежского советника Василия Владимировича Берга¹². В адрес-календаре на 1812 г. в этой должности также числится Горлов, а второе место секретаря значится вакантным¹³. Но при этом и Горлов, и Берг были секретарями уже и в 1810 г.¹⁴ и, значит, на авторство «Сибирских заметок» претендовать не могут. «При обоих экспедициях для произведения следственных и других поручений» в адрес-календаре на 1811 г. значится коллежский асессор Яков Козмич Цитович¹⁵, а в адрес-календаре на 1812 г. – «при обеих экспедициях для поручений по делам» состоял коллежский асессор Ипполит Иванович Канарский (Канарский)¹⁶. В 1813 г. вакансия секретаря губернского правления оказалась занятой надворным советником Федором Федоровичем Белявским, а Канарский по-прежнему состоял при обеих экспедициях¹⁷, но зато его имени нет в адрес-календаре на 1814 г.

Таким образом, именно Канарский, чья служба в Иркутске очевидно прервалась в 1813 г., стал вторым кандидатом на авторство «Сибирских записок». И именно эта, вторая, версия оказалась верной.

Великая сила интернета

Первым естественным действием после предположительного установления имени автора было выяснить, что знает о нем интернет. И поиск на сочетание «Канарский Сибирские

¹⁰ Там же. С. 350.

¹¹ См.: Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / сост. В.П. Степанов. СПб.: Академический проект, 2003.

¹² Месяцеслов... на 1811. Ч. 2. С. 342.

¹³ Месяцеслов... на 1812. Ч. 2. С. 351–352.

¹⁴ Месяцеслов... на 1810. Ч. 2. С. 330–331.

¹⁵ Месяцеслов... на 1811. Ч. 2. С. 343.

¹⁶ Месяцеслов... на 1812. Ч. 2. С. 352.

¹⁷ Месяцеслов... на 1813. Ч. 2. С. 354.

заметки» сразу же дал соответствующий результат. Выяснилось, что отрывок из этого сочинения был в 1901 г. опубликован Петром Ивановичем Щукиным в шестой части его «Бумаг, относящихся до Отечественной войны 1812 года» под заголовком «Отрывок из “Сибирских записок” Ипполита Канарского, писанных в 1827 году»¹⁸. Вероятно, многим историкам, занимающимся архивными разысканиями, приходилось испытывать разочарование от того, что, казалось бы, впервые обнаруженный ими документ оказывался давно известным и опубликованным в каком-нибудь из многочисленных русских дореволюционных журналов или сборников. В данном случае, однако, речь идет лишь о небольшом фрагменте интересующей нас рукописи, причем благодаря публикации Щукина не только подтверждается авторство Канарского, но и становится известной дата составления его заметок. Причем, как можно предположить и как будет показано ниже, дата эта имела особое значение в жизни автора.

Вместе с тем сравнение опубликованного Щукиным отрывка с рукописью РГАДА обнаружило, что стилистически они значительно отличаются друг от друга:

Рукопись РГАДА	Публикация П.И. Щукина
Возвратясь в город, я узнал еще новое печальное известие: нашествие неприятеля на Москву. Это доставило мне много страданий, как о моем милом отечестве, так и о моих родных, у которых не было иного приюта, как только одна Москва. Страхи умножались, а отдаленность расстояния лишала меня возможности быть участником в разделении несчастий. Все будущее представлялось очень грустным и	Возвратясь в город, нашол новое беспокойство: нашествие неприятеля к Москве приводило меня в сострадание, как о милом моем отечестве, так и о родных моих, у коих не было иного приюта, как Москва. Страхи умножались, а отдаленность лишала меня средств быть участником в разделении несчастий; все будущее страшило меня, по крайней мере настоящее не представляло еще ужасного;

¹⁸ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Часть шестая. М., 1901. С. 122–123.

мрачным; почта еще не приходила из Москвы, и наши приятельские беседы стали [л. 18] чаще. Мы уже думали, что при несчастном случае можем и мы погибнуть, ибо что будет значить чиновник без начальства, а что будет значить начальник, когда здешний отчаянный народ узнает о перемене! Как в Сибири мы были безопасны от нашествия неприятеля в столицу, так ужасны могли быть последствия при изменениях в правлении. В такой тревоге прошла неделя, а на другой мы получили сведение, что Москва уже взята неприятелем, и мы совершенно упали духом. Служебные дела пришли в полный застой, и мы занимались единственно только одними известиями о ходе войны. Удивляло меня чувство некоторых ссыльных: они плакали, как о потере своей собственности и незаметно было даже и тени какого-либо духа возмущения ни в одном месте. Какая настала для нас радость и какое торжество, когда мы получили весть, что французы вышли из Москвы и ретировались обратно по своим кровавым следам! Мы ежеминутно оживали, воспрянули духом. Впрочем, чувство это известно всем любящим свою родину, свое отечество.

хотя и было трудно, но человек рожден для трудов, терпение — его эмблема. Было время, что не было почти должности, но и без ней был в заботе, тогда не было трудов, но терпел более. Терпение везде и во всех случаях первое и последнее, без него и ожидание не имело бы успеха. Иногда можно бы назвать себя покойным, но, когда не отрицаешься от людей, не устранишь сердца от страданий ближнего, тогда нет возможности прожить без чувств горести. Если бы не привыкал человек сносить огорчения, он погиб бы скоро.

Почта не бывала из Москвы и приятельские беседы с некоторыми из благонамеренных чиновников были чаще; мы уже думали, что при несчастном случае можем мы погибнуть, что будет значить чиновник без начальства и что будет значить начальство, когда узнает народ отчаянной о перемене. Как мы в Сибири были безопасны при нашествии неприятеля к Столице, так ужасны могли быть последствия при изменениях в правлении. Прошла неделя в сей тревоге, а на другой получили сведение, что Москва взята неприятелем, и дух наш упал совершенно. В сем положении проходило время в недейтельности по делам и только занимались одними известиями о действиях войны. Удивляло меня чувство некоторых ссыльных, они плакали как о потере

1813-й год.

Вслед за этим я получил письма. Первое — от меньшей сестры, что она приехала в Петербург, второе — от зятя. Он уведомлял меня подробно, как до вступления неприятеля главнокомандующий успокаивал жителей Москвы¹⁹, чтобы они не боялись и оставались на своих местах жительства, но это ж, однако, нимало не останавливало никого от предохранения своих вещей. Все живущие в доме с ними выбрали в глухом и темном месте кладовую, снесли туда свои пожитки и заложили их кирпичами. За неделю до прихода неприятеля уже многое множество выехало семей из Москвы, а за два дня является мужик из деревни знакомой помещицы, которая пригласила их к себе, чему, конечно, наши обрадовались, но выехать было не на чем, пешком же для моей больной матери было немислимо отправиться. К счастью, однако, нашли какую-то лошаденку с телегой, купили ее и что только

своей собственности и неприметно было духа возмущения ни в одном месте. Какая радость и торжество, когда получили весть, что французы вышли из Москвы и ретировались обратно по кровавым следам своим. Мы оживали ежеминутно. Чувства сии известны всем, кто привязан к своему отечеству.

1813 года. Вслед за сим получил письма, первое от меньшей сестры, что она приехала в Петербург, и второе от зятя: он уведомил меня подробно, как до вступления неприятеля главнокомандующий успокаивал жителей Москвы, чтобы они не боялись и оставались на месте жительства, однакож такое обеспечение не могло остановить от предохранения вещей своих; все живущие в доме с ними выбрали в глухом и темном месте кладовую, снесли свои пожитки и заклали кирпичами. За неделю до неприятеля выезжало из Москвы множество семей. За два дня является мужик из деревни знакомой помещицы с приглашением приехать к ней; они обрадовались, но выехать было не на чем, пешком идти невозможно по причине болезни матери моей. К счастью нашли лошадь с телегой, купили ее и что только можно увести в узелках, то и положили.

¹⁹ Имеется в виду главнокомандующий Москвы Ф.В. Ростопчин.

можно было увезти с собою в узелках, то и положили. [л. 18 об.]

Доброта и гостеприимство Г-жи И.; несколько моих родных прожили у ней около 3-х месяцев. Когда неприятель вышел из Москвы, то жители, бывшие поблизости, возвращались к своим домам и находили одни развалины, полное опустошение; следы пожара обезобразили древнюю столицу. Сестра узнала, что кладовую, где было спрятано их имущество, разграбили до тла, а к болезни матери прибавилось еще горе, именно: монастырский ее домик сгорел, но я был рад хотя тому только, что они остались все живы.

Доброта и гостеприимство Гж. И. несколько успокоила родных моих, у коей жили они 3 месяца. Когда вышел неприятель из Москвы, тотчас жители, поблизости бывшие, возвращались к домам и находили одно опустошение и развалины; следы пожара обезобразили древнюю Столицу. Сестра узнала, что кладовую, где лежало их имущество, разграбили, а к болезни матушкиной прибавилось еще горе, что в монастыре домик ее сгорел. Все сие огорчило меня, но я рад был тому, что они живы.

Как видим, по сравнению с публикацией Щукина рукопись РГАДА отредактирована. Ее язык сделан более современным; изменен порядок слов, в ряде случаев вставлены слова, поясняющие смысл выражений, свойственных языку первой четверти XIX в. и, по-видимому, казавшихся редактору архаичными. Так, к примеру, выражение «приводило меня в сострадание» превратилось в «доставило мне много страданий». Но, главное, рукопись РГАДА несколько сокращена: в приведенном отрывке из нее, в частности, удалены философские рассуждения автора о значении терпения. Это дает основания предполагать, что публикация Щукина основывается на оригинальном тексте, в то время как наша рукопись – это текст, подвергшийся довольно серьезной обработке. Скорее всего, она и была осуществлена таинственным М. Владимирским. Возможно, рукопись готовилась им к публикации в каком-то периодическом издании, и именно в результате сокращения и редакторской правки «Сибирские записки» (название, характерное для мемуарной литературы XIX в.) превратились в «Сибирские заметки».

Естественно предположить, что если П.И. Щукин был обладателем оригинальной рукописи «Сибирских записок», то пусть не ее автограф, но по крайней мере копия могла отложиться в его обширном рукописном собрании, хранящемся ныне в Государственном историческом музее. Увы, обнаружить там ее следы не удалось, и по уверению сотрудников Отдела письменных источников музея, ни с чем подобным они не сталкивались. Правда, в фонде Щукина имеется письмо к нему некоего Николая Яковлевича Канарского, в котором говорится о продаже картины И.К. Айвазовского¹⁹. Не исключено, что это был какой-то потомок автора записок, познакомивший Щукина с воспоминаниями своего предка.

Может возникнуть вопрос: а стоит ли вообще публиковать обнаруженную в РГАДА рукопись, если это не подлинник, а переработанный текст? Однако, во-первых, шансов найти когда-нибудь подлинную авторскую рукопись немного, а во-вторых, историки активно используют огромный массив мемуарных текстов, опубликованных в исторической периодике второй

¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 265. Д. 34.

половины XIX – начала XX в., хотя, вероятно, они подвергались не менее серьезной редакции, чем «Сибирские заметки» Канарского, причем проверить это в большинстве случаев невозможно из-за того, что подлинные рукописи, хранившиеся в частных архивах, до нас не дошли.

Перебирая эти даты

Как уже упоминалось, некоторые сообщения «Сибирских заметок», касающиеся как событий жизни автора, так и упоминаемых в его воспоминаниях людей, намеренно искажены и зашифрованы. Чтобы расшифровать их, следовало в первую очередь попытаться восстановить представленную в рукописи и, как станет ясно из дальнейшего, мнимую хронологию жизни автора, взяв за точку отсчета первую упомянутую им точную дату – 11 января 1811 г., когда он «был отправлен из Петербурга в Иркутск». До этого, по его уверению, он «более года», т.е. по крайней мере в течение всего 1810 г., а скорее всего с конца 1809 г., находился на службе при некоем «генерале Л». Перед этим еще три с половиной года, опять же по его уверению, т.е. примерно с 1806 г. до середины или второй половины 1809 г. он служил в губернии «В», куда отправился со вновь назначенным туда губернатором.

В 1806 г. в Российской империи было шесть губерний, название которых начиналось на букву «В», – Вологодская, Владимирская, Вятская, Витебская, Виленская и Волынская. Поскольку Канарский утверждает, что ехал к месту службы через Москву, то по крайней мере Виленскую губернию можно из этого списка сразу исключить. В тексте, однако, находим относящееся к губернии «В» замечание автора, что «в суровых нравах жителей кажется живо изображена суровость севера», что можно трактовать как указание на Вологодскую или Вятскую губернию. Другое косвенное свидетельство – упоминание в рукописи населенного пункта Зверинец, на подъезде к которому автор якобы нашел на дороге хлеб, в чем усмотрел доброе предзнаменование. Деревня с таким названием находилась в Вологодском уезде Вологодской губернии²⁰. В пользу того, что Канарский имеет в виду именно Вологодскую губернию, как кажется, говорит и то, что как раз в рассматриваемое время в ней сменился гражданский губернатор: в адрес-календаре на 1806 г. губернатором назван еще А.А. Гаряинов, а за 1807 г. – тайный советник Карл Иванович фон Линеман (1748–1818). Известно, что назначен на эту должность он был в марте 1806 г. (скорее, это дата вступления в должность) и оставался на ней до октября 1809 г., что также вполне согласуется с версией хронологии, представленной в публикуемой рукописи²¹. Однако сразу же обратим внимание на то, что Канарский утверждает, будто губернатор, при котором он находился, покинул губернию «В», получив звание сенатора, но имени Линемана в списках сенаторов мы не находим, а значит, и все сказанное выше также выглядит сомнительным²².

Если принять во внимание расстояние от Петербурга до Вологды и то, что, по сообщению рукописи, Канарский прибыл в «В» «в самый день Пасхи»²³, а до отъезда из Петербурга он некоторое время якобы жил у вновь назначенного губернатора, то очевидно, что свое новое назначение Канарский, если довериться навязываемой им читателю хронологии, получил не ранее второй половины 1805 г. До этого, по его уверению, он приехал в Петербург из Москвы вместе со своим мнимым благодетелем неким «гофмаршалом К», жил с ним во «дворце», а после того как «К» был отправлен в отставку, переселился в дом некоего «светлейшего З». Произошло это, как он утверждает, накануне Нового года, т.е., надо полагать, в конце 1804 г.

²⁰ Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866. С. 46.

²¹ Электронный ресурс. < <http://ru.rodovid.org/wk/запись:476792> > (дата обращения: 02.12.2017).

²² Карл Иванович фон Линеман имел звание генерал-лейтенанта; в конце XVIII в. занимал должность коменданта г. Екатеринбурга, умер и похоронен на территории Вологодской губернии. (См.: *Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 485.)

²³ В 1806 г. православная Пасха праздновалась 1 апреля.

Сколько точно автор до этого прожил в царском дворце в Петербурге, определить невозможно, но он упоминает, что через три месяца после прибытия в столицу получил известие об увольнении со своей должности в Сенате в Москве. Таким образом, получается, что он покинул Москву и приехал в Петербург в 1804 г.

Повествование о своих злоключениях на государственной службе автор «Сибирских заметок» предваряет описанием своей влюбленности в некую девицу «R», упоминая при этом, что в это время ему было 18 лет. Если поверить в то, что речь идет о событиях 1803–1804 гг., то, следовательно, он родился в 1785 или 1786 г. Правда, затем, рассказывая о своих страданиях в Сибири, Канарский патетически восклицает: «О! Как вы, мои дорогие, мало знаете свет, искаженный злобою! А я в 24 года жизни узнал его настолько, сколько надо было по смерти». Если первое упоминание возраста точно, то 24 года ему должно было исполниться уже в 1810 г., а в 1813, к которому относится это восклицание, он был уже старше. Это можно было бы счесть за ненамеренную неточность, либо за намек на то, что он познал жизнь еще до приезда в Сибирь, если бы все эти даты имели хоть какое-нибудь отношение к действительности. Обратим, однако, внимание на обращение «мои дорогие». Может быть, далее нам удастся хотя бы предположить, к кому оно адресовано.

Загадка «R», «B», «K», «Z» и «L»

В первой части записок, описывающих его жизнь до приезда в Сибирь, Канарский не называет ни одного конкретного имени, за исключением музыканта Дица, обозначая всех остальных персонажей заглавными литерами. Список этих лиц начинается с «вдовы R», в дочь которой, как уже упоминалось, влюбился юный мемуарист. Поскольку это единственная фамилия, обозначенная в рукописи латинской литерой, можно предположить, что речь идет о какой-то нерусской семье. Однако идентифицировать ее, так же, как и друга этой семьи князя «B» (Вяземский? Волконский?), авторов рекомендательных писем к иркутскому губернатору «L», «P» и еще одного «L», как и госпожу «И» из второй части записок, помогавшую родственникам Канарского во время войны 1812 г., как кажется, не представляется возможным. Несколько больше шансов – у попыток идентифицировать «гофмаршала K», «светлейшего Z» и «генерала L», который одновременно мог быть и автором одного из рекомендательных писем.

Адрес-календари за соответствующий период времени называют единственным гофмаршалом двора Александра I С.С. Ланского, причем он занимал эту должность и после 1804 г. Единственным же придворным, вышедшим в это время отставку, был обер-шталмейстер двора граф Николай Александрович Zubov (1763–1805), старший брат последнего фаворита Екатерины II Платона Zubova и, согласно легенде, тот самый, кто 11 марта 1801 г. ударом табакеркой в висок убил императора Павла I. Фамилия Н.А. Zubova значится в адрес-календаре на 1804 г., но уже отсутствует в адрес-календаре на 1805 г., причем в августе 1805 г. Н.А. Zubov умер, хотя автор «Сибирских заметок» об этом не упоминает и, видимо, не случайно. Однако, если эта идентификация верна и Канарский намекает именно на Н.А. Zubova, то «светлейший Z», к которому автор записок якобы переехал вместе с «гофмаршалом K» после отставки последнего, – это сам светлейший князь Платон Александрович Zubov (1767–1822), как раз в 1804 г. вернувшийся в Петербург. На тот момент он был единственным в России носителем подобного титула, и переезд к нему получившего отставку старшего брата «гофмаршала K» вроде бы подтверждает идентичность последнего. Правда, во всех биографиях Н.А. Zubova утверждается, что после отставки он проживал в своем московском имении, где и умер, но похоронен был в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Но это уже подробности, которые Канарский мог проигнорировать.

Однако если наши рассуждения верны, то возникает вопрос: почему Канарский превратил обер-штабмейстера Н.А. Зубова в «гофмаршала К», изменив, таким образом, и его чин²⁴, и фамилию, а П.А. Зубова обозначил реальным титулом и начальной буквой его действительной фамилии? Точный ответ на этот вопрос дать невозможно, и остается лишь предположить, что, как станет ясно из дальнейшего, эти сведения играли для автора «Сибирских заметок» второстепенную роль и к особой точности он, скорее всего, не стремился.

Ключом к идентификации «генерала Л», как кажется, служит упоминание Канарским, что его начальник занимался изданием некоего журнала. В 1809–1810 гг., когда, по утверждению нашего мемуариста, он был погружен в занятия журналом, в Петербурге выходило только три журнала²⁵, из которых лишь один издавался генералом и не кем иным, как Алексеем Андреевичем Аракчеевым, основателем и издателем «Артиллерийского журнала». Таким образом, по версии, которую Канарский предлагает читателю, он был сотрудником Аракчеева, а тот, в свою очередь, одним из тех двух «Л», кто написал одно из рекомендательных писем к иркутскому губернатору.

Итак, вроде бы, картина прояснилась: до 1804 г. Канарский, согласно его утверждению, служил в московских сенатских учреждениях, в 1804–1805 гг. он находился в Петербурге, ожидая нового назначения, обещанного ему высокопоставленным придворным, в 1806–1809 гг. – на службе в Вологодской губернии, в 1810 г. – при А.А. Аракчееве, а в 1811 г. началась его служба в Иркутске.

«Все врут календари»!

Произведя все эти расчеты, естественно было сверить полученные данные с данными адрес-календарей. Однако выяснилось, что последние эту информацию не только не подтверждают, но категорически опровергают! Так, в адрес-календарях на 1807–1810 гг., т.е. в период, предшествовавший назначению в Иркутск, мы обнаруживаем нашего героя совсем не там, где можно было бы ожидать, а среди служащих Императорской Академии художеств: «при исправл. письм. дел губ. секр. Ипполит Канарский»²⁶. Среди же чиновников Вологодской губернии Канарский, напротив, не значится!

Некоторым утешением служит то, что адрес-календари позволяют реконструировать некоторые вехи жизненного пути Канарского и после описываемых в его «Заметках» событий. С 1813 г., когда он покинул Иркутск, его имя исчезает с их страниц почти на 10 лет и вновь появляется в 1823 г.: с этого времени Ипполит Иванович, уже в чине надворного советника и с орденом Св. Владимира 4-й степени на груди, оказывается правителем канцелярии Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя²⁷. Служба эта продолжалась до 1827 г., когда Комиссия была упразднена, и именно тогда, если верить публикации Щукина, он написал свои «Сибирские заметки».

²⁴ Ошибка в чине, конечно, могла быть ненамеренной, за давностью лет Канарский попросту мог забыть, какой придворный чин имел Зубов.

²⁵ См.: Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959.

²⁶ Месяцеслов... на 1807. Ч. 1. С. 519; 1808. Ч. 1. С. 473; 1809. Ч. 1. С. 504; 1810. Ч. 1. С. 521.

²⁷ Месяцеслов... на 1823. Ч. 1. С. 843; 1824. Ч. 1. С. 877; 1826. Ч. 1. С. 912; 1827. Ч. 1. С. 969.

Часть вторая, содержащая сведения о подлинной жизни Ипполита Канарского, чиновника и сочинителя

Известные генеалогические справочники не содержат родословной благородного рода Канарских, хотя в XIX в. отдельные представители этой фамилии (по-видимому, польского происхождения) были занесены в родословные книги некоторых губерний. Не упоминается эта фамилия и в именных указателях к хранящемуся в РГАДА фонду Герольдмейстерской канторы, где аккумулировались сведения обо всех служащих дворянах Российской империи. Сведения об Ипполите Канарском обнаружились, однако, в изданных в 2010 г. О.Н. Наумовым ранее не публиковавшихся родословных росписях московского дворянства, составленных Л.М. Савеловым. Из них выясняется, что по просьбе нашего героя в 1840 г. он был записан в III часть родословной книги Московской губернии: «I поколение. 1. Ипполит Иван., из об.-оф. детей, р. 1782, студ. Мск. унив., в служ. с 1802, отст. колл. сов. 1840, орд. св. Влад. 4 1822. Ж. Елизавета Абрам. II поколение. 2/1. Александр Ипполит., р. 20 окт. 1828. 3/1. Леонид Ипполит., р. 23 июня 1832»²⁸.

Итак, во-первых, выясняется, что автор «Сибирских заметок» родился в 1782 г., т.е. по меньшей мере на три года раньше, чем можно предполагать по их тексту. Во-вторых, он учился в Московском университете, что некоторым образом объясняет его склонность к литературному творчеству. В-третьих, Канарский отнюдь не был дворянином по рождению. Однако, вступив в службу в 1802 г. он уже в 1805 г. имел чин губернского секретаря, т.е. XII класса. Во время службы в Сибири, т.е. к 1811 г., он был уже коллежским асессором (VIII класс), в 1822 г. был награжден орденом и в 1823 г. был надворным советником (VII класс), а вышел в отставку коллежским советником (VI класс). Также наш мемуарист был женат и имел двух сыновей.

Раз Канарский с семейством были занесены в родословную книгу, значит, его послужной список должен находиться в материалах Департамента Герольдии, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. И действительно, такой список там был обнаружен²⁹. На нем значится, что это копия с оригинала 1826 г., выданная из Комиссии по построению Храма Христа Спасителя. В списке значится:

«к[оллежский] с[оветник] и орд[ена] 4-й степени Св[ятого] Владимира кав[алер]. Ипполит Иванов сын Канарский, 44 лет, правитель канцелярии из обер-офицерских детей родового имения нет, благоприобретенное: имеет 4-х дворовых человек, за женой имения нет.

26.5.1802 в службу вступил из учеников Императорского Московского университета к делам Вятского гражд[анского] губернатора и причислен к казенной палате с чином губ[ернского] рег[истратора].

8.9.1802 по Имен[ному] Выс[очайшему] указу произведен в кол[лежские] рег[истраторы].

2.4.1804 в Вятскую градскую полицию в частные приставы.

март 1805 по прошению переведен Правительствующего Сената в 7-й деп[артамент].

13.6.1805 из коего по прошению уволен в Императорскую академию художеств в архивариусы

²⁸ Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 2: Дворянство жалованное и выслуженное / подгот. текста, предисл., коммент. и указ. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2010. С. 57. Благодарим А.В. Матисона за указание на эту публикацию.

²⁹ РГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии Сената). Оп. 23. Д. 999. Л. 4–5.

17.6.1805 протоколистом
31.12.1805 произведен губ[ернским] секр[етарем].
31.12.1808 – кол[лежский] секр[етарь].
июнь 1810 уволен из А[кадемии] Х[удожеств] по прошению для
определения в штат Сибирского ген[ерал]-губернатора
19.6.1810 в кол[лежский]. ас[сessor].
15.6.1811 командирован в Иркутск и определен в оном ассессором обеих
экспедиций
прикомандирован к исправлению в губернском правлении должности
советника, где находился с 16 июня 1811 по 29 марта 1813
13.3.1812 поручен в заведование приказ общественного призрения
24.3.1814 прикомандирован к исправлению должности заседателя
совестного суда
27.6.1814 утвержден в настоящие заседатели
по прошению уволен от службы за болезнью 12.8.1814
27.1.1815 поступил в канцелярию статс-секретаря Молчанова
2.5.1815 по Имен[ному] Выс[очайшем] указу произведен в надв[орные].
сов[етники].
11.11.1815 уволен для определения к другим делам
По Выс[очайшему] повелению 6.4.1819 причислен к Министерству
духовных дел и для приискывания материалов на сооружение Храма во имя
Христа Спасителя в Москве
23.11.1820 определен в Комиссию сооружения Храма в правителя
канцелярии с оставлением при прежнем поручении
по определению Комиссии исправлял должность советника с 14.5.1821
по 7.5.1824
по определению Комиссии за отъездом директора строения и
экономической части в С-Петербург возложены на него обязанности по
экономической части и исполнял вместо его в оной с 25 июня по 14 ноября
1821
22.8.1822 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени
за выслугу лет по Выс[очайшему] указу, данному П[равительствующему]
С[енату] сего 1826 года генваря в 19-й день награжден чином кол[лежского].
сов[етника] с старш[инством] выслуги о чем объявлено в Московских
ведомостях сего года 17 февраля в 14-м №, но за повешение же сим чином по
сообщению Московской казенной палаты следующие деньги всего 292 р. 1 к.
с него взысканы и отосланы куда следует – 19.1.1826
в походах, под следствием и под судом, в отпусках не был
В отставках: с 12.8.1814 по 27.11.1815, с 4.4.1819 по 6 числе без
награждения
Женат. Имеет дочерей Надежду двух лет 4 мес[яцев] и Веру одного года
и 4-х мес[яцев]».

Помимо этого, в деле имеются еще три важные записи:

*«свидетельство... Замоскворецкого сорока Николаевской, что слывет
Заяицкой, ц[еркви]»³⁰ 1828, запись № 20 20 окт. род. Александр у прихожанина*

³⁰ Церковь Святителя Николая, что в Заяицком, расположена в Замоскворечье, на правом берегу реки Москвы, в северо-западной части квартала, образованного пересечением проездов Раушской набережной, 2-го Раушского переулка, Садовнической улицы и Устьинского проезда.

кол. сов. ... и законной супруги Елизаветы Абрамовой ... крещен 25 числа, воспр[иемник] губ[ернский] секр[етарь] Николай Андреевич Загряжский³¹ и майорская дочь девица Серафима Абрамова Баташева, св[ященник] Петр Иванов, диакон Петр Васильев».

«свидетельство... Замоскворецкого сорока Николаевской, что в Кузнецкой, ц[еркви]. 1832, запись № 20 23 июля в доме умершего кол[лежского] ас[ессора] Петра Егорова Звягина у живущего по найму кол[лежского] сов[етника] ... и законной супруги Елизаветы Абрамовой родился сын Леонид, крещен того же месяца 30, воспр[иемник] отст[авной] кол[лежский] секр[етарь] Николай Андреев Загряжский и действительная с[татская] с[оветница] вдова Марья Федоровна Колосова, иерей Андрей Федоров, диакон Иоанн Перов».

«список семейства... 1840 год

Ипполит Иванов сын К[анарский] 58 лет, женат на Елизавете Абрамовне, дети Александр 11, Леонид 7, недвижимого не состоит, в Москве, кол[лежский] сов[етник] и кав[алер], в отставке».

Дела семейные

Итак, в год составления послужного списка Ипполит Канарский был счастливым отцом двух дочерей с многозначительными именами Надежда и Вера, а уже после отставки у него родились два сына. Судя по всему, в узы Гименея он попал примерно в 1822/1823 году, т.е. будучи уже вполне солидным женихом. В качестве гипотезы можно предположить, что крестная мать его старшего сына «майорская дочь девица Серафима Абрамова Баташева» – это сестра его жены, поскольку у них совпадают отчества. Проверка этой версии с помощью интернета вновь подтвердила могущество глобальной сети.

Из обнаруженной на сайте Союза возрождения родословных традиций родословной росписи Баташевых выяснилось, что Елизавета и Серафима были двумя из пяти дочерей секунд-майора Абрама Федоровича Баташева (1752–1819), который в 1786 г. купил с аукциона у купца «бумажных и полотняных фабрик содержателя» А.И. Девятнина «в Медынском уезде движимое и недвижимое имение, содержащее земли, леса, мастеровые и работные люди по учиненной в Медынском нижнем суде описи и оценке 276 душ мужского и 310 душ женского пола, а всего 586 душ», организовал там бумажно-полотняное производство и жил в сельце Юдино Медынской округи Калужской губернии. На основании Высочайшего указа 1783 г. «о возвращении в первобытное предков состояние» рода Баташевых (известен с конца XVI в.) он в 1785 г. получил из Герольдии свидетельство о дворянстве и был утвержден в дворянстве в 1789 г. Род был внесен в 6-ю часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии. Абрам Федорович был дважды женат и имел от обоих браков 5 сыновей и 5 дочерей. Первой его женой была умершая в 1781 г. Анна Герасимовна Сушкина, дочь тульского купца Герасима Стефановича Сушкина, второй – Елизавета Дмитриевна Немчинова, дочь московского купца 2-й гильдии Дмитрия Савельевича Немчинова. Примечательно, что Серафима Баташева, крестная мать старшего сына Канарского, оставалась девицей еще и в 1858 г.³²

³¹ Н.А. Загряжский был коллегой Канарского по работе в Комиссии о сооружении Храма Христа Спасителя. В адрес-календаре на 1827 г. он числится еще чиновником XIV класса (Месяцеслов... на 1827. СПб., 1827. С. 371).

³² Электронный ресурс. <<https://forum.svrt.ru/topic/10555-баташевы>> (дата обращения: 18.02.2019).

Брак дочери Баташева, который сам был дважды женат на купеческих дочерях, с недворянином по происхождению, но достаточно успешным чиновником Канарским, да еще и после смерти отца, кажется вполне естественным. Очевидно также, что недвижимое имение умершего в 1819 г. секунд-майора было разделено в первую очередь между пятью его сыновьями, и потому одной из дочерей в качестве приданного достались, вероятно, лишь деньги. Возможно, на них семья обзавелась и четырьмя дворовыми. Стоит также обратить внимание на то, что трое из братьев Елизаветы Абрамовны – Иван, Федор и Николай – в разное время, как и Канарский, служили заседателями в судебных учреждениях.

Анализ данных

Итак, подведем некоторые итоги. С одной стороны, перед нами достаточно типичная карьера чиновника, достигшего дворянства службой. С другой – его восхождение по служебной лестнице вызывает некоторые вопросы. Выходец из обер-офицерских детей, студент Московского университета (неизвестно, закончил ли он курс и на каком факультете учился; если бы закончил, то должен был сразу получить чин титулярного советника), в 20 лет поступил на службу и действительно отправился в губернию В., но не в Вологодскую, как мы предполагали, а все-таки в Вятскую. Там он провел около двух лет, после чего оказался на службе в Седьмом апелляционном департаменте Правительствующего Сената, т.е. снова в Москве. Однако уже через три месяца (по собственному желанию?) он перебрался в Петербург в Академию художеств, где прослужил целых пять лет. Далее начинается его сибирская эпопея, после которой он становится заседателем совестного суда (к сожалению, неизвестно где), продержавшись, впрочем, на этом месте менее пяти месяцев. Можно предположить, что болезнь, ставшая причиной его отставки с судейской должности, была мнимой, ибо еще через пять месяцев он оказывается в канцелярии тайного советника, статс-секретаря Петра Степановича Молчанова, который находился «у принятия прошений на Высочайшее имя»³³. Быстро получив тут, неизвестно за какие заслуги, чин надворного советника, он через десять месяцев был уже уволен «к другим» (каким?) делам и находился неизвестно где целых четыре года, пока не занялся делами Храма Христа Спасителя. В 1827 г. в возрасте 45 лет Канарский оказывается в отставке, пишет свои «Сибирские заметки» и через 13 лет, будучи отцом четверых детей, подает прошение о записи в родословную книгу Московской губернии.

Возникают по меньшей мере два недоуменных вопроса. Во-первых, довольно своеобразная карьерная траектория Канарского наводит на мысль о том, что, вероятно, у него действительно были какие-то высокие покровители. Во-вторых, выйти в отставку в 45 лет мог либо чиновник, который по состоянию здоровья уже никак не мог продолжать службу, либо достаточно состоятельный, способный прожить без государственного жалованья. Между тем, как следует из приведенных текстов, наш герой не обладал недвижимым имением и собственными крепостными, у него не было в Москве собственного дома, не было имения у его жены, и все, чем они владели, – это четверо дворовых, то ли купленных, то ли доставшихся Канарскому в качестве приданного. И при этом у них было четверо детей, т.е. довольно многочисленное семейство, которое каким-то образом нужно было содержать. На какие же средства они жили все эти годы? Не исключено, что ответ на этот вопрос связан с его последним местом службы, ведь, как известно, Комиссия о строительстве Храма Христа Спасителя была распущена в связи с открывшейся там растратой в миллион рублей, следствием чего стала ссылка в Вятку любимца и крестника Александра I архитектора Александра (Карла-Магнуса) Витберга.

³³ Месяцеслов... на 1805. С. 21.

Часть третья, повествующая о службе Ипполита Канарского в Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя, его взлете и падении

Введение во храм

Итак, с 1821 по 1827 г. Ипполит Канарский исполнял обязанности Правителя Канцелярии при строительной Комиссии Храма Христа Спасителя, который по первоначальному плану Александра Витберга должен был располагаться на Воробьевых горах. Его служебные обязанности заключались в том, чтобы «вести канцелярский порядок и смотреть, дабы каждый чиновник канцелярии производил свое дело без упущения»; «распечатывать входящие бумаги и раздавать по принадлежности»; заведовать «канцелярскими чинами и служителями, коих он распределяет по способности»; вести «приходу и расходу денежной казне настольную книгу»³⁴. Отметим, что порекомендовал Канарского на эту должность не кто иной, как сам министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын³⁵, в чьем министерстве Канарский работал с апреля 1819 г. Причем, как станет ясно из дальнейшего, о том, что комиссия будет создана, что служба в ней будет выгодной и что Голицын будет иметь непосредственное отношение к ее формированию, к этому времени уже было известно, и, значит, в министерстве Канарский появился не случайно.

Судя по всему, служба в комиссии шла весьма успешно. Уже в августе 1822 г. Канарский, как упоминалось, был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени. Для награждения от будущего кавалера потребовались сведения о его предшествующей карьере и семейном положении. Все свои служебные достижения он описывал довольно подробно – вплоть до указания дня поступления на каждое новое место. Единственным исключением являлся период с ноября 1815 по апрель 1819 г., в течение которого Канарский «*был уволен к другим делам*»³⁶. Это загадочная формулировка кочует из документа в документ, однако, чем конкретно занимался Канарский в этот промежуток времени и на какие средства он жил, остается загадкой. Вероятно, подобная формула использовалась по отношению к чиновникам, формально остававшимся на государственной службе, не вышедшим в отставку и, соответственно, не получавшим пенсию, но при этом не определенным к конкретной должности. В сентябре 1823 г. все тот же Голицын предложил Комиссии внести имена кавалеров, состоящих в ее ведении, а значит и Канарского, в издаваемый Академией наук придворный календарь – в капитул императорских российских орденов³⁷. В июне 1825 г. автор «Сибирских заметок» был произведен в коллежские советники, причем с немалым годовым жалованием в 3000 руб.³⁸ Это обстоятельство вновь косвенно указывает на то, что наш герой пользовался каким-то высоким покровительством. Для сравнения заметим, что, к примеру, оклад обер-прокурора Синода в 1819 г.

³⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1151. Оп. 2. 1835. Д. 51. Л. 97 об.

³⁵ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА). Ф. 243. Оп. 6. Д. 1. Ноябрь 1820 года: «...Я согласен на определение чиновников, состоящих в ведомстве вверенного мне министерства и прикомандированных в помощь Директору строительных и экономической части коллежскому асессору Витбергу для приискания мастеровых к сооружению в Москве храма во имя Христа Спасителя, а именно: надворного советника Канарского в должность правителя канцелярии...» [л. 1]. О А.Н. Голицыне см.: Кондаков Ю.Е. Князь А.Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: монография. СПб.: ЭлекСис, 2014; Зазулина Н.Н. Князь А.Н. Голицын: Неизвестный во всех отношениях. М.: Бослен, 2019.

³⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 243. Оп. 3. Д. 109.

³⁷ Там же. Д. 147.

³⁸ Там же. Д. 227. Л. 20.

составлял 4000 руб., а занимавший этот пост князь П.С. Мещерский имел чин действительного статского советника.

Однако благополучию нашего героя было суждено скоро закончиться. Рескриптом Николая I от 4 мая 1826 г. был создан специальный «Искусственный Комитет» под председательством инженер-генерала К.И. Оппермана, которому надлежало выяснить, возможно ли на месте, выбранном Витбергом, т.е. на Воробьевых горах, строить храм по его проекту. В результате исследований и сделанных на их основе чертежей плана и разрезов Воробьевых гор московские специалисты пришли к выводу: «Построение великого храма на покатости Воробьевых гор принадлежит к числу невозможностей, как то доказывается произведенными испытаниями грунта; но на вершине оных находится пространная площадка, на которой можно построить огромное здание»³⁹. В том же 1826 г. из-за слухов «о беспорядках московской Комиссии сооружения храма во имя Христа Спасителя» император поручил расследование этого дела генерал-адъютанту С.С. Стрекалову⁴⁰, который выявил многочисленные нарушения в работе Комиссии. В Санкт-Петербурге был создан особый следственный комитет под предводительством Оппермана⁴¹, а чиновники Комиссии были «преданы суду по высочайшему повелению, объявленному в 1827 году»⁴². В мае 1827 г. появился сенатский указ, в котором упоминались рескрипты императора от 16 апреля того же года, согласно которым Комиссия распускалась, а все ее имущество и чиновники поступали в распоряжение московского генерал-губернатора князя Н.Б. Юсупова⁴³. Что касается Канарского, то он, как и ряд его коллег по Комиссии, был арестован, а его имущество описано. Началось следствие.

Странно, что в заглавии Щукинского варианта «Сибирских записок» значится 1827 г., ведь именно в это время Канарский содержался под арестом⁴⁴. Впрочем, об условиях ареста нам ничего не известно, а история знает немало случаев, когда арестанты коротали время за литературным трудом, причем заточение, по-видимому, способствовало развитию их воображения, как в случае с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Морозовым. Если верить документам, отпущен из-под ареста Канарский был лишь в 1831 г. и, судя по всему, опять же благодаря заступничеству А.Н. Голицына. В конце октября 1831 г. Голицын обратился к А.Х. Бенкендорфу и объяснил, что Канарский уже отрешен от должности и содержится под арестом с начала «производства дела»⁴⁵ – и потому, согласно действию Всемилощивейшего манифеста об амнистии 1826 г., должен быть освобожден. Однако сотрудники Московской Уголовной Палаты не осмелились отпустить бывшего чиновника, и только сам Бенкендорф, ознакомившись с посланием Голицына, повелел выпустить Канарского «на поруку»⁴⁶. Промежуток, во время которого Канарский якобы писал свои записки, был, таким образом, временем ареста, но никак не добровольной отставки.

Преступление и наказание

Неясно, имелась ли какая-либо связь между начавшимся расследованием и восшествием на престол императора Николая I. Однако с уверенностью можно сказать, что именно это собы-

³⁹ Электронный ресурс. <<http://www.spasi.ru/xrr/xxs.htm>> (дата обращения: 26.03.2020).

⁴⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 4. Д. 305. Л. 6 об.

⁴¹ Назначение К.И. Оппермана, военного инженера, автора ряда архитектурных проектов, а в это время еще и председателя комиссии по строительству Исаакиевского собора, главой комитета было, по-видимому, связано с тем, что он был своего рода экспертом в этой области.

⁴² РГИА. Ф. 1329. Оп. 4. Д. 305. Л. 6 об.

⁴³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2. № 1086. СПб., 1830. С. 54.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 66. Д. 469. Л. 29.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

тие в конечном счете помогло Канарскому и остальным членам Комиссии избежать наказания по всей строгости закона. Следствие, как это почти всегда происходило в подобных случаях в России того времени, продолжалось семь лет и закончилось лишь в 1835 г., когда в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета было сформировано дело на более чем 500 листах⁴⁷. Чтобы адекватно определить вину каждого из участников, следователи запрашивали информацию о времени их отсутствия на рабочем месте по причине командировок или болезни. За время своей службы в Комиссии Канарский всего лишь один раз побывал в командировке – в Калужской губернии с 12 мая по 16 июня 1822 г. Впрочем, он довольно часто отсутствовал на рабочем месте из-за слабого здоровья⁴⁸. Например, 11 апреля 1827 г. он докладывал Комиссии: «Усилившиеся нарывы в горле, от коих лечусь с давнего времени, препятствуют мне выходить на воздух, и потому не могу явиться к должности»⁴⁹. Суммарно Канарский более полугода не являлся на службу; в это время его обязанности исполняли столоничальники Богоявленский и Ключков. Они содержали бумаги в таком порядке, что один из следователей – Погодин – похвалил заместителей Канарского, отметив, что благодаря их работе расследование продвигалось очень быстро⁵⁰.

Следователи максимально подробно описали все махинации членов злополучной Комиссии, смысл которых можно лаконично описать современным словом «откат». Комиссия выходила за рамки предоставленного ей бюджета и по цене выше рыночной покупала низкопробные материалы – лес, камень – для строительства храма, тогда как разница между рыночной и зарегистрированной в отчетах суммой шла в карман членам Комиссии и их сговорчивым поставщикам. Не всегда данный вид взятки переводился в денежный эквивалент. Так, отмечается, что камнем, который покупала Комиссия для храма, вымощен тротуар около дома Канарского⁵¹. Канарский в ответ на эту претензию заявлял, что он не имеет собственности ни в Москве, ни в другом месте, а живет в доме своей жены, которая и занималась благоустройством придомовой территории. По его словам, именно она «желала выстлать тротуар камнем», а потому купила около Дорогомиловского⁵² моста «плитняк, хоть не крепкой, но по цене выгодной»⁵³. Заметим, что таким образом выясняется, что жена Канарского была владелицей дома в Москве. Может быть, он достался ей по наследству, а может быть, был куплен на несправедливо заработанные мужем деньги, но записан на жену, и если так, то это свидетельство того, что подобная практика не была изобретением XXI в. Впоследствии дом, возможно, пришлось продать: все имущество обвиняемых, согласно приговору, было продано с торгов, а жить на что-то было нужно.

Хотя эпизод с плиткой так и не был доказан, но Канарского признали виновным⁵⁴ в заключении с подрядчиками контрактов на невыгодных для казны условиях; несоблюдении установленных правил проведения закупок для казенных нужд; превышении полномочий при принятии решений на заседаниях Комиссии⁵⁵. Канарский приводил различные доводы в пользу своей невиновности: он ссылаясь на свою длительную и беспорочную службу⁵⁶, на стремление незадолго до начала следствия уйти в отставку из-за проблем со здоровьем, на характер

⁴⁷ РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. 1835. Д. 51.

⁴⁸ «Больничные» Канарского: ► 11(17) июля – 20 сентября 1825; ► 9 апреля – 17 июня 1826; ► 2–26 ноября 1826; ► 11–24 апреля 1827.

⁴⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 243. Оп. 3. Д. 288. Л. 9.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. 1835. Д. 51. Л. 317.

⁵¹ Там же. Л. 22.

⁵² Дорогомиловский мост находился на месте нынешнего Бородинского моста.

⁵³ РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. 1835. Д. 51. Л. 22.

⁵⁴ Там же. Л. 446–446 об., 447–447 об.

⁵⁵ Там же. Л. 404. На своих частных заседаниях Комиссия не имела права заключать контракты на поставки более чем на сумму в 50 тыс. руб.

⁵⁶ Там же. Л. 99.

самой занимаемой им должности (он якобы был «лицом подчиненным, не имевшим права ни останавливать постановления, ни протестовать на резолюции, принятые на заседаниях Комиссии»)⁵⁷.

В итоге главным виновником был объявлен А.Л. Витберг, который вовлек своих подчиненных «в неправильные действия»⁵⁸, тогда как Канарского признали чиновником слабым и неблагонадежным, не достойным впредь ни состоять на государственной службе, ни участвовать в выборах⁵⁹. Любопытно, что, несмотря на все вышеперечисленные нарушения, ни в действиях Канарского, ни в действиях других членов бывшей Комиссии не было обнаружено того, что в те времена называли «лихоимством»⁶⁰, т.е. прямого подкупа частными лицами государственных служащих, а это, судя по документам следствия, беспокоило власть больше, нежели незаконное обогащение за счет казны.

Открывшиеся злоупотребления членов Комиссии по строительству были совершены до издания Всемилошвейшего манифеста от 22 августа 1826 г., опубликованного в честь коронации Николая I. Этот документ, по сути, предоставлял амнистию всем чиновникам, которые находились в это время под следствием и которым не вменялись такие преступления, как смертоубийство, разбой, грабеж и лихоимство. В результате 31 декабря 1834 г. Правительствующий Сенат официально постановил всех их освободить, тогда как Канарский к этому времени, по видимому, и так уже был на свободе.

Отметим, что в выписках из журнала гражданского департамента от марта и апреля 1835 г. сказано, что коллежскому советнику Канарскому, который «чрез долговременное нахождение под судом и арестом»⁶¹ уже понес достаточное наказание, не возбраняется вступать на службу, поскольку таким образом он сможет загладить свой прежний проступок. Однако это решение или не было учтено, или не имело силы.

Дела интимные и не только

На первый взгляд, все изложенные выше злоключения автора «Сибирских заметок», подкрепленные документальными свидетельствами, выглядят вполне достоверно. Есть, однако, по крайней мере одно обстоятельство, вызывающее недоумение. Как мы помним, младший сын Канарского родился в Москве 23 июля 1832 г. Если его отец был отпущен из-под ареста в октябре-ноябре предыдущего 1831 г., то нетрудно предположить, что воссоединившиеся после долгой разлуки супруги на радостях сразу же зачали своего последнего отпрыска. Однако их старший сын родился 20 октября 1828 г. и, если он появился на свет в срок, то был зачат не позднее января того же года, т.е. когда Канарский уже вроде бы был под арестом. Впрочем, как уже говорилось, об условиях ареста нам ничего неизвестно.

Еще одна неясность связана с тем, что к 1841 г. Канарский оказался в Вяземском уезде Смоленской губернии, откуда он писал шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу с просьбой об отмене наказания и получения официального разрешения занимать государственные должности, причем о своем местопребывании он писал как о месте ссылки (см. Приложение). Приняв ходатайство Канарского, Бенкендорф сначала запросил на него характеристику у князя П.И. Трубецкого, который в тот момент был смоленским губернатором. Сославшись на губернского

⁵⁷ Там же. Л. 142.

⁵⁸ Там же. Л. 517. По иронии судьбы Александр Лаврентьевич (Карл-Магнус) Витберг был сослан в ту самую Вятку, где когда-то служил и Канарский. Тут он познакомился с другим ссыльным – А.И. Герценом и оставил потомкам его портрет, а тот, в свою очередь, посвятил ему несколько страниц в «Былом и думах».

⁵⁹ «Рунича и Канарского за безмолвное соглашение с распоряжениями Витберга, противными порядку службы, как слабых и неблагонадежных чиновников впредь ни к каким должностям не определять» (РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 51. Л. 404).

⁶⁰ Там же. Л. 447 об.

⁶¹ Там же. Л. 517.

предводителя дворянства, Трубецкой ответил, что «коллежский советник Канарский вел себя хорошо и ни в каких законопротивных поступках замечен не был»⁶². После этого глава III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии перенаправил это прошение вместе с полученной характеристикой на рассмотрение министру юстиции графу В.Н. Панину. Панин справедливо отметил, что Канарский «уже воспользовался монаршим милосердием по манифесту 1826 года»⁶³ и в силу ряда причин его допущение на службу невозможно. Во-первых, «при сделанном ему от правительства доверии оказался совершенно неблагонадежным»⁶⁴ и продемонстрировал свою неблагонадежность. Во-вторых, отстранение состоялось слишком недавно, «и потому едва ли можно принимать в уважение поведение его со времени состояния о нем приговора»⁶⁵. В-третьих, его ссылка на дело бывшего члена Комиссии Рунича, осужденного аналогичным образом, неуместна, так как тот был освобожден единственно по воле государя императора «во внимание к его бедному с семейством положению»⁶⁶, и его случай является исключением. В-четвертых, «подобное прощение ослабило бы силу законов и мер, принимаемых к ограждению казенной собственности»⁶⁷, тем самым противореча самому смыслу наказания.

Второй и финальный эпизод относится к осени 1843 г. В сентябре на имя Бенкендорфа пришло прошение от родственника Канарского, генерала Ренненкампа, с запиской от самого «примерного отца детям, лучшего гражданина с качествами христианских чувств»⁶⁸. Бенкендорф передал эти документы на рассмотрение кабинету министров. На этот раз доводы Канарского, ссылавшегося на то, что он не служил уже 16 лет, и на решение по аналогичному делу Рунича, были приняты. С согласия императора было решено в качестве милости даровать ему право вернуться на службу⁶⁹, однако сведений о том, удалось ли ему найти новое место, не обнаружено.

Завершая рассказ об этом периоде жизни нашего героя, стоит заметить, что, помимо упомянутого выше Н.А. Загряжского, его коллегой по работе в комиссии был Василий Владимирович Берг, с которым они были знакомы еще по Иркутску. Берг служил в Комиссии о строительстве Храма Христа Спасителя казначеем и, как справедливо говорится в биографии его сына – поэта Николая Берга, который, кстати, был крестником А.Л. Витберга, «по странной прихоти судьбы, именно казначей, через руки которого прошли огромные суммы денег, непостижимым образом уцелел. Сознывая нависшую над головой опасность, он все же почел за лучшее удалиться из Москвы и, получив какое-то место в г. Бронницы, отправился туда с семьей. Потом, когда гроза пронеслась, перевелся в Москву, но прожил там недолго и в 1830 г. уехал в Сибирь, получив место председателя Томского губернского правления»⁷⁰. Далее биограф Берга-младшего приписывает ему (с ложной ссылкой на страницу его воспоминаний!) слова, в действительности принадлежащие А.И. Герцену: «Само собою разумеется, что Витберга окружила толпа плутов, людей, принимающих Россию – за аферу, службу – за выгодную сделку, место – за счастливый случай нажиться. Не трудно было понять, что они под ногами Витберга выкопают яму. Но для того, чтобы он, упавши в нее, не мог из нее выйти, для этого

⁶² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 71. Д. 419. Л. 1.

⁶³ Там же. Л. 4 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 5.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 73. Д. 667. Л. 1 об.

⁶⁹ Там же. Л. 9 об.

⁷⁰ Электронный ресурс. <http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/berg_nv.php> (дата обращения: 26.03.2020).

нужно было еще, чтоб к воровству прибавилась зависть одних, оскорбленное честолюбие других»⁷¹.

Масоны, масоны, кругом одни масоны...

Здесь стоит снова сделать паузу и обратить внимание на упомянутое выше имя Рунича, сослуживца Канарского по Комиссии по строительству Храма Христа Спасителя. Речь идет о коллежском советнике Аркадии Павловиче Руниче⁷², и именно он является своего рода ключом к некоторым эпизодам в биографии автора «Сибирских заметок». Судя по всему, знакомство и, возможно, дружба Рунича и Канарского начались задолго до судебных разбирательств по поводу их злоупотреблений. В 1802–1805 гг., т.е. ровно в те же годы, что и Канарский, Рунич также пребывал в Вятской губернии, где служил в канцелярии Вятского гражданского губернатора, которым в то время являлся не кто иной, как его собственный отец тайный советник Павел Степанович Рунич. Назначение Аркадия Рунича в Вятку состоялось 22 мая 1802 г., а Канарского – 26-го. Покинул Канарский Вятку в марте 1805 г. и, видимо, тоже вместе с Руничем, который в мае того же года был зачислен в штат Московского почтамта. Тогда же, в 1805 г., свой пост губернатора покинул и назначенный сенатором Павел Рунич, как это и описано в «Заметках» Канарского. Судя по всему, не является случайностью и то обстоятельство, что, вернувшись из Вятки, Канарский попал поначалу на службу именно в Седьмой, московский департамент Сената: дело в том, что именно туда получил назначение и П.С. Рунич⁷³. 11 ноября 1815 г. Канарский, как мы помним, был «уволен для определения к другим делам», всего лишь на полтора месяца задержавшись на службе по сравнению со своим другом А.П. Руничем, который оставил службу с той же формулировкой еще 1 августа того же 1815 г. Дальше оба приятеля оказываются в комиссии по строительству Храма Христа Спасителя. Вполне возможно, что Канарский и Рунич вместе ехали из Москвы в Вятку, как это и описано в «Заметках», и именно тогда и произошло их знакомство. Таким образом, еще один фрагмент «Заметок» – тот, что повествует о службе автора в губернии «В», можно считать достаточно достоверным или, во всяком случае, близким к истине. Но почему в таком случае Канарский счел необходимым зашифровать эту часть своих записок?

Определенный ответ на этот вопрос дать невозможно, но стоит обратить внимание на еще один любопытный факт: Канарский, как мы установили, родился в 1782 г., в то время как хронология его «Записок» указывает на 1785 или 1786 г., но Аркадий Рунич родился как раз в 1785 г. Не потому ли Канарский счел необходимым зашифровать вятский эпизод своей биографии, что хотя бы отчасти, например, в перечислении поручений, которые он выполнял, описывает здесь не свою службу, а своего друга? Но в таком случае вполне возможно, что и какие-то другие приводимые в записках детали биографии – это детали биографии Аркадия Рунича?

Но тут, конечно, самое время вспомнить, что у Аркадия Павловича, человека, который сколько-нибудь заметного следа в истории не оставил, был старший брат – Дмитрий Павлович – известный масон и литератор, прославившийся как мракобес, гонитель профессоров Петербургского университета, и в частности А.П. Куницына⁷⁴. Рунич-старший был ближай-

⁷¹ Герцен А.И. Былое и думы. Глава XVI. Сам же Н.В. Берг лишь заметил: «История этого плана [Храма Христа Спасителя. – А. К.] и самого Витберга чересчур известна, чтоб ее здесь рассказывать. Другой великий художник, Герцен (встретившись с Витбергом в Вятке), лучше и ярче всех обрисовал это высоко-поэтическое лицо» (Посмертные записки Николая Васильевича Берга // Русская старина. 1890. Т. 65. Кн. 2. С. 302).

⁷² См. о нем: Русский биографический словарь А.А. Половцева. Т. 17: Романова – Рясковский. СПб., 1918. С. 592.

⁷³ Месяцеслов... на 1806. СПб.: Имп. Академия наук, 1806. Ч. 1. С. 94.

⁷⁴ См. о нем: Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 48–84; Возчиков В.А. «Дело профессоров», или оправдание Рунича // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 75–88.

шим сотрудником министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, и, надо полагать, именно по протекции Рунича князь покровительствовал Канарскому.

Вернемся, однако, немного назад. Как мы помним, в Седьмом департаменте Сената Канарский прослужил не более трех месяцев, после чего, вроде бы по собственному желанию, перешел на скромную должность архивариуса Академии художеств. Неужели в нем проснулась любовь к изящным искусствам, да еще столь сильная, что заставила его пренебречь карьерой? И тут на сцене появляется еще одна важная фигура. Дело в том, что конференц-секретарем Академии художеств был в ту пору не кто иной, как действительный статский советник Александр Федорович Лабзин⁷⁵ – давний знакомый семейства Руничей, известный масон, основавший в 1800 г. в Петербурге ложу «Умиравший сфинкс», в которую в 1804 г. им был принят и Дмитрий Рунич. Последний как раз в начале 1805 г., т.е. примерно в одно время со своим отцом и с Канарским, приезжает в Москву и, вероятно, знакомится с будущим автором «Сибирских заметок». На эти же годы приходится его интенсивная переписка с Лабзиным, причем, как заметил Ю.Е. Кондаков, «в ряде случаев в своих письмах А.Ф. Лабзин переходит грань, разделяющую отношения учителя и ученика, и заставляет подозревать отношения более интимного характера»⁷⁶. Примечательно, что в 1809 г. Лабзин открыл в Петербурге ложу шотландского ритуала «Вифлеем», в которую среди прочих входил А.Л. Витберг, под чьим началом Канарскому суждено было служить в Комиссии по строительству Храма Христа Спасителя, и членом которой стал также и Д.П. Рунич.

О том, что Канарский был не только лично известен своему начальнику по Академии художеств, но и был к нему достаточно близок, свидетельствует письмо А.Ф. Лабзина к Д.П. Руничу от 26 декабря 1805 г.:

«В праздник сей подарили меня Канарский и мой Турчило⁷⁷, еще накануне, большим подарком. Брат Вечерин⁷⁸, едуши ко мне встречает Турчило и предлагает ему подвезти его в своих санках; он отказывается, и по долгим допросам, куда идет и за чем, открывается, что Турчило из определенного ему в год 180 р. жалованья несет 10 рублей в тюрьмы; что они условились с Ипполитом, и один пошел в крепость, другой в градскую тюрьму, раздать, что припасли, несчастным, тамо содержащимся; и это без всякого подучения или научения от меня и совсем тайно, так что наружу вышло уже совсем нечаянно. Судьбе угодно было сделать мне то известным и показать осторожности моей, что это кандидаты; и так вчера мы очень жалели, что на сих днях вас не будет с нами, и что мы не сможем приобщить вас к нашей радости, которой ни их ни себя лишать долго я уже не хочу. Ах! Мой друг, каков этот пример для нас, мы и богаче их; но иногда о таких подвигах милосердия и не вздумаем»⁷⁹.

Дважды упоминается Канарский и в письме Лабзина Руничу от 9 января 1806 г.⁸⁰, причем просто по имени, без фамилии, поскольку адресат, очевидно, хорошо знал, о ком идет речь. В переписке более позднего времени, а именно в письме от 23 октября 1817 г., также встречаем примечательный пассаж, имеющий отношение к нашей теме:

⁷⁵ Месяцеслов... на 1806. Ч. 1. С. 477.

⁷⁶ Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления... С. 55.

⁷⁷ Иосиф Адамович Турчило. С 1806 г. член ложи «Умиравший сфинкс».

⁷⁸ Имеется в виду, А.Г. Черевин, имевший масонский псевдоним Вечерин и женатый на сестре Д.П. Рунич.

⁷⁹ Кучурин В.В. Материалы для изучения эзотерической традиции в России в первой четверти XIX в.: письма А.Ф. Лабзина к Д.П. Руничу // Aliter. 2012. № 1. С. 100.

⁸⁰ Там же. С. 103–104.

«Закладка в Москве огромного храма по прожектору Витберга подает мне мысль написать к тебе, мой любезный друг Дмитрий Павлович, следующее: без сомнения, учреждена будет комиссия для строения церкви сей, которая продолжится не год и не два, и верно с хорошим жалованьем. Вот, кажется, место тут и для тебя, если тебе в Москве жить хочется. Не рассудишь ли переговорить о сем с кн. Ал. Н. Голиц[иным]: и я думаю, государь тебе не откажет в месте сем [...] Если б случилась тебе нужда тут в моем посредничестве, я с охотою готов отписать к князю: но чтоб сею проволочкою не упустить времени»⁸¹.

Таким образом, служба в Комиссии, в которой в конечном счете оказались младший брат Д.П. Рунича и Канарский, изначально виделась выгодной и желанной.

В 1809–1810 гг. в отношениях Рунича и Лабзина наступает охлаждение, в 1810 г. происходит закончившаяся для него без последствий, но очень волновавшая Лабзина реформа масонских лож, а в июне 1810 г. Канарский получил назначение в Сибирь. Заметим также, что в 1806–1807 гг. Лабзин издавал журнал «Сионский вестник», и можно предположить, что именно этот журнал имеет в виду автор «Сибирских заметок», а значит, таинственный «генерал Л» – это не Аракчеев, а Лабзин. Правда, он был не настоящим, а разве что статским генералом, поскольку чин действительно статского советника (IV класс табели о рангах) соответствовал армейскому генерал-майору.

⁸¹ Кучурин В.В. Материалы для изучения эзотерической традиции в России... С. 125.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.